

Лингвистика звучащего слова и «исполнение» в концепции Ю.С. Степанова¹

Е.М. Князева
МОСКВА

Круг научных интересов Ю.С. Степанова был широк: от относительного подчинения в старофранцузском и староиспанском языках IX–XIII вв., чему была посвящена его кандидатская диссертация (1956 г.), до «воображаемой словесности», представления о которой он описал в своей последней книге «Мыслящий тростник» (2010 г.)².

Юрий Сергеевич писал как о языке в традиционном лингвистическом понимании, так и о языке «в расширительном смысле» (выражение Ю.С.) – о языке искусств вообще: языке художественного слова, языке изобразительных искусств, языке музыки. Еще в 1975 году он опубликовал статью об общности теории языка и теории искусства, которая начинается так: «*В том, что изучение искусства рано или поздно должно прийти в соприкосновение с изучением языка, нет ни чего-либо неожиданного, ни – как теперь становится ясным – какого-либо исключительного требования со стороны новейших теорий*»³. В этой же работе он обозначил «нарративную семиотику» как «науку о сходствах произведений искусства и языка». В 2002 году под его же редакцией вышел сборник трудов семинара «Современная философия языка» под

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1140.2012.6 «Образы языка в лингвистике начала XXI века» (рук. В.З. Демьянков), а также гранта РГНФ № 11-34-00344a2 (рук. В.В. Фещенко) «Художественный эксперимент: коммуникативные стратегии и языковые тактики».

² Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга, 2010.

³ См.: Степанов Ю.С. Общность теории языка и теории искусства в свете семиотики // Изв. АН СССР. Сер.: Лит. и яз. 1975. Т. 34, № 1. С. 3.

названием «Язык и искусство: динамический авангард наших дней»¹, явившийся продолжением разговора о языке искусств.

Особенно ярко многообразие идей Степанова о различных языках искусств нашло отражение в книге «Протей: Очерки хаотической эволюции» (2004)². Под «многообразием» при этом мы имеем в виду не столько «разнообразие», сколько «множественность образов», образов «протеических». Не случайно автор вынес в заглавие своей книги образ Протея, греческого божества, смотрящего за порядком. Сохранение порядка, ясности и стройности мысли среди многообразия идей и образов пространства культуры Ю.С. Степанов всегда ценил.

В рамках исследований по языку искусств и, в частности, *языку искусства художественного слова* Юрий Сергеевич обращал внимание на *звучащее художественное слово*, связанное со голосом и исполнением. Прежде чем рассмотреть, каким образом он подходил к рассмотрению *звучащего художественного слова* в своих концепциях в области теории языка, скажем несколько слов о том, что значил голос для Ю.С. Степанова вообще и каким был его собственный голос.

Юрий Сергеевич всегда был чуток к явлениям интонации и голоса. Он легко читал по голосу настроения, чувства, эмоции – различные состояния человека живущего и мыслящего... И как поразительно точно это у него всегда выходило! В сборнике, посвященном памяти Татьяны Григорьевны Винокур, он пишет об аргументативной силе ее голоса. Его слова тонко выражают то, что мы могли бы сказать и о его собственном голосе. Вот мы и скажем о голосе Ю.С. Степанова его же словами. В этих словах можно уловить звук его голоса, слышимого уже не акустически (внешне, материально), а иначе, «внутренне»: *«Важно, что силой убеждения обладал именно голос. Аргументация вообще убеждает в том или ином положении и в случае успеха может убедить в их совокупности. Голос – минуя отдельные утверждения – убеждает в истинности целого»*³. Посредством просодических характеристик описать голос Степанова довольно сложно, поскольку он мог звучать по-разному, в зависимости от дискурса. Но чем его голос всегда выделялся, так это особой мелодичностью и присущей только Юрию Сергеевичу интонацией искреннего уважения к собеседнику и к сообщаемому.

Ю.С. Степанов ценил «живое слово» – слово сказанное, произнесенное, наполненное смыслом – *слово исполненное*. В 2011 году он возглавил оргкомитет по проведению конференции «Живое слово: Логос-Голос-Движение». Конференция состоялась («исполнилась») в Институте языкознания РАН 12–16 апреля 2012 года, но, к сожалению, уже без Юрия Сергеевича. Это всего лишь один из примеров, когда «живое слово» (как идея Ю.С. Степанова) «исполнилось» в прямом и переносном смысле. Подобных «исполнений» было

¹ См., например, сборник трудов семинара «Современная философия языка»: Язык и искусство: динамический авангард наших дней. М., 2002.

² Степанов Ю.С. Протей: очерки хаотической эволюции. М., 2004.

³ Степанов Ю.С. О голосе Татьяны Григорьевны Винокур // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 282.

немало в жизни ученого. Стоит взглянуть лишь на обширную библиографию и основные вехи академической деятельности, приведенные в «Материалах к библиографии ученых» РАН (2000 г.)¹. При этом «исполнение» Юрия Сергеевича всегда носило знак его неповторимой индивидуальности и качества.

Что же означает слово «исполнить» и в каком из значений это слово, а, точнее, явление, интересовало Ю.С. Степанова в его концепциях по теории языка? В «Большом толковом словаре современного русского языка» Д.Н. Ушакова представлено три значения этого слова. Первое из них – «*осуществить на деле, провести в жизнь, выполнить*». Второе значение – «*воспроизвести в слышимых или видимых формах (произведение искусства)*». И, наконец, третье – «*одушевить, наполнить* (книж. устар.)». Можно предположить, что Юрий Сергеевич мыслил и жил всеми этими значениями одновременно. Но если рассматривать «исполнение» в связи с его исследованиями по искусству художественного слова и художественного чтения, можно предположить, что «исполнение» интересовало его во втором значении – «*воспроизвести в слышимых или видимых формах (произведение искусства)*».

Для сравнения приведем определение искусства художественного чтения, данное видным деятелем культуры Серебряного века Юрием Эрастовичем Озаровским, актером, режиссером, педагогом и коллекционером: «*Искусство художественного чтения есть искусство обращения письменной, немой речи в живую и образную, т.е. звучащую и исполненную мысли и чувства*»². Озаровский также приводит другие названия этого вида искусства: искусство выразительного чтения, декламация, тональное искусство, искусство устного изложения, искусство произнесения, а также «произвешение» (первая пол. XVIII в.).

Нельзя в связи с «исполнением» не вспомнить один значимый факт из жизни Ю.С. Степанова. В свое время он возглавлял кафедру сценической речи в Театральном училище им. М.С. Щепкина при Малом театре. На планировавшейся конференции «Живое слово: Логос-Голос-Движение» Юрий Сергеевич хотел выступить с докладом «О кафедре сценического чтения в Малом театре» и поделиться своим опытом работы там. Этого доклада мы уже не услышали, конференция состоялась уже без него, но ценный опыт Юрия Сергеевича по работе над сценической речью остался при нем.

Стоит отметить, что существует более 30 синонимов слова «исполнение»: *выполнение, совершение, реализация, осуществление, проведение (в жизнь), претворение (в жизнь), воплощение (в жизнь), свершение, имплементация, проделывание, разработка, выступление, воспроизведение, производство, материализация, действие, устройство, проигрывание, игра, перформанс, концерт, тренькание, пиликанье, брэнчание, кантабиле, экзекуция, аутодафе* и др. Вероятно, все синонимы как с положительной, так и с отрицательной коннотацией, имеют право на существование. Все же для Степанова сам концепт «исполнения» лингвоэстетически был связан прежде всего с понятием

¹ Степанов Ю.С. / Сост. Р.И. Горячева; Авт. вступ. ст. Е.С. Кубряковой. М., 2000. (Материалы к библиографии ученых. Сер.: Лит. и яз.; Вып. 26).

² Озаровский Ю.Э. Музыка живого слова: основы русского художественного чтения. Пособие для чтецов, певцов, драматических и оперных артистов, ораторов, педагогов / Предисл. С.Р. Серовой. М., 2009. С. 1.

красоты. Не случайно свои идеи об «исполнении» и лингвистике *performance* он представил в статье «**Красота текста**», опубликованной в сборнике в честь Н.Д. Арутюновой¹.

В указанной статье автор, стремясь найти нечто «более глубинное и устойчивое» для обобщений о национальной красоте текста, подходит к этому через соотношение двух параметров фразы (и текста вообще) – «абстрактного строя» и «конкретного исполнения», что, согласно терминологии генеративной грамматики на английском языке утвердилось как *competence* и *performance*. Он отмечает, однако, что эти понятия появились гораздо раньше, еще две тысячи лет назад, в риторике Древней Греции.

Считая, что генеративных определений *competence* и *performance* не достаточно, Ю.С. Степанов дает им свои определения. Так, *competence* у него – «граммотность» производителя текста (или отдельной фразы)», а *performance* – «совершившийся речевой акт, как “исполнение”, включая прежде всего фразировку и ритм, но в некоторой степени и tessitura голоса»². По мнению автора, «исполнение» должно быть до определенной степени регламентированным, типизированным. Тем не менее, констатирует он, «вся эта область, *performance*, еще плохо изучена... <...> ...и можно даже постулировать ее возникновение, как особой «лингвистики *performance*»³. Так, Ю.С. Степанов обозначил новое направление в лингвистике – лингвистика *performance*, или, лингвистика исполнительства, разработка которого еще ждет своих исследователей⁴.

Рассмотрение одного и того же явления в разных плоскостях, с разных точек зрения, было излюбленным методом работы Юрия Сергеевича. Ему было любопытно суметь «прочитать явление» на разных языках искусств и тем самым попытаться вскрыть суть исследуемого феномена. Так, он разделял исполнение, например, поэтического текста и исполнение музыкального произведения. Соответственно, говоря об исполнении поэзии, он касался проблем звучащего художественного слова, проводя аналогии с музыкой. Говоря же о музыкальном исполнении, он пользовался терминами музыковедения, делая сопоставления с исполнением стихотворных текстов.

¹ Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004. С. 509–512.

² Степанов Ю.С. Красота текста // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004. С. 509.

³ Там же. С. 509.

⁴ Стоит отметить в связи с этим, что еще задолго до этого И.Р. Гальперин поднимает проблему соотношения исполнения и текста в теоретическом аспекте в связи с дихотомией *язык и речь* в своей программной статье по этому вопросу: Гальперин И.Р. Текст и исполнение в связи с дихотомией язык и речь // Язык и речь. Тбилиси, 1977. С. 60–72. В этой статье высказано немало идей, значимых для лингвистики *performance*.

В одной из частных бесед, посвященных ритмике стиха и **исполнению в музыке**, Юрий Сергеевич раскрыл мне понятие **агогики**, которое он сам для себя «открыл случайным образом» (*выражение Ю.С.*) в первом томе Большой Российской Энциклопедии (2004 г.). Там агогика определялась как скорость движения в *исполнении музыки*, отклонение реальной длительности звука от ритмических соотношений, указанных в нотах. Ю.С. Степанов дал этому определению из Энциклопедии свое довольно изящное пояснение (*привожу дословно по своим записям. – Е.К.*): «...в нотах великим композитором может быть указано *то-то* и *то-то*, а есть реальные отклонения, просто отклонения самого человека, не потому что он реально этого хочет, а потому что его ручки и глазки двигаются по-другому».

Что касается **исполнения поэзии**, Ю.С. Степанов разграничивал два вида исполнения – авторское и актерское, и оба, на его взгляд, представляют ценность. Во время наших бесед он не раз упоминал о хранившейся у него пластинке с голосом актрисы Алисы Коонен, одной из любимейших учениц К.С. Станиславского. Ее исполнение Юрий Сергеевич любил и считал достойным специального изучения. Позже мне удалось выяснить, что записи пластинки с голосом Алисы Коонен уже давно существуют в цифровом формате. На этом диске стихи Блока, среди других декламаторов, читает и Алиса Коонен. Она исполняет «Я в горный мир вошла как в ложу...» Блока. Это исполнение Коонен наверняка слушал на своей пластинке Юрий Сергеевич, когда еще не было дисков. Особенности исполнения стихов Алисой Коонен – отдельный интереснейший сюжет, о котором, быть может, когда-нибудь будет написано. В данной работе мы ограничимся лишь упоминанием об этом как об одной из идей, высказанных Ю.С. Степановым в связи с актерским исполнением поэзии.

Логично было бы коснуться отдельно и **исполнения прозы**. Великолепный обзор исследований по теории и истории декламационного искусства в России (как поэзии, так и прозы) дан в книге Петера Бранга «Звучащее слово»¹, мы не будем здесь подробно на этом останавливаться. В это работе, посвященной Ю.С. Степанову, уместно было бы поделиться воспоминаниями об опыте исполнения прозаических фрагментов и просто «идей» самим Юрием Сергеевичем. Для примера приведем опыт исполнения им двух мыслей Паскаля, о котором он сам рассказывал.

Его первый опыт исполнения одной из идей Паскаля пришелся на студенческие годы, и это было исполнение акустическое (внешнее). Второй опыт – на последние годы жизни. И это представляло собой уже исполнение внутреннее. О первом опыте «реального» (акустического) исполнения он неоднократно вспоминал, рассказывая, как в студенческие годы на курсах французского языка, где ему посчастливилось учиться у самой Марии-Луисы Гон-

¹ Бранг П. Звучащее слово: Заметки по теории и истории декламационного искусства / Пер. с нем. М. Сокольской и П. Бранга. М., 2010.

салес¹, они сдавали наизусть заучиваемые фрагменты из трудов Паскаля. Мария-Луиса Гонсалес требовала от них имитации оригинальной французской интонации, которую она сама не раз воспроизводила для студентов в учебных целях. Однажды Юрий Сергеевич исполнил на французском языке один из заученных в то время отрывков. То был фрагмент из «Мыслей» Блеза Паскаля, который остался в его памяти еще со студенческих лет: «*Le silence éternel de ces espaces infinis m'effraie*», что в переводе на русский означает: «*Меня страшит вечное молчание этих бесконечных пространств*». В исполнении Ю.С. Степанова тембрально это звучало довольно низко, с ниспадающей вниз к концу фразы интонацией.

Что касается второго опыта исполнения, оно выражалось уже не в одной фразе, а в целой книге – «Мыслящий тростник. Книга о воображаемой словесности» (2010 г.), ставшей последней. В ее заглавие вынесен образ «мыслящего тростника», символизирующего у Паскаля человека, в котором соединяются мощь разумности и хрупкость телесности. Сам Паскаль так писал об этом: «*В пространстве вселенная объемлет меня как точку, в мысли я объемлю ее*». Такковы два «исполненных» Юрием Сергеевичем сюжета, связанных с Блезом Паскалем, который был ему дорог как мыслитель.

Таким образом, явление «исполнения» и проживалось, и осмысливалось Ю.С. Степановым как через призму его собственной жизни, так теоретически, через призму языков различных искусств и лингвистики, новое направление в которой – *лингвистику performance* (или *лингвистику исполнительства*) – он впервые обозначил в своей статье «*Красота текста*».

¹ Мария-Луиса Гонсалес, выпускница Мадридского университета начала 30-х годов, эмигрантка, ставшая в России символом самой Испании, ученица Мигеля де Унамуно.

Подробнее об этом периоде жизни Ю.С. Степанова см. во вступительной статье Н.Д. Арутюновой и Е.С. Кубряковой к сборнику, посвященному 70-летию Ю.С. Степанова: *Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова* / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001. С. 9–33.